

Константин Рубинский

Рубинский Константин Сергеевич родился 20.03.1976 в Челябинске. Окончил Челябинский музыкально-педагогический колледж и Литературный институт имени А.М. Горького. С 1988 г. стипендиат Детского фонда и Фонда культуры. С 1990 г. стипендиат Межрегионального благотворительного фонда «Новые имена». Член Союза писателей России. Лауреат литературных и педагогических премий. Автор либретто, поэтических текстов, музыки и аранжировок к операм, мюзиклам, хореографическим и литературным спектаклям. Театральные работы по либретто К. Рубинского неоднократно получали национальную премию «Золотая маска». Был представлен на конкурсе «Музыкальное сердце театра» в номинации «Лучший драматург/автор текстов к российскому мюзиклу». Спектакли ставятся в театрах России. Выпустил шесть поэтических и прозаических сборников, многочисленные компакт-диски, поэтические альманахи своих учеников. Работает в одной из лучших челябинских школ (лицей № 31). Сейчас (конец 2012 г.) занят выпуском детского поэтического журнала. Участник АСУП-3. Живёт в Челябинске.

Филологическая маркировка стихов К.Р.

Традиции, направления, течения: «я-лирика», идущая от линии классической русской поэзии, Серебряный век, «урбанистическая» лирика.

Основные имена, влияния, переклички: Г. Шпаликов, Ю. Мориц, Д. Самойлов, А. Кушнер, Г. Рукавова.

Основные формальные приёмы, используемые автором: композиционный приём параллелизма, обозначающий контраст во внутренних рассуждениях лирического героя, приём антитезы, кольцевая композиция, риторический вопрос.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: переживание «обыденной» ситуации, стремление взглянуть на неё под иным углом и философски переосмыслить, мотив человеческого унижения,

внезапное «обрушение» среди затишья и ожидание этого обрушения.

Творческая стратегия: внутренний монолог и рассуждение о мире и своём месте в мире, внимание к вещному миру и детали, сближение внешней и внутренней биографии стихотворца.

Коэффициент присутствия: 0,45

АВТОБИОГРАФИЯ

Род мой из Уфы. Прапрадед, протоиерей Александр Иванович Рубинский, – из потомственных священников, до революции служил в Александровском храме Уфимской епархии. Он и дал начало фамилии: в то время священникам после рукоположения давали фамилии «благородственные», по названиям цветов или драгоценных камней – несколько манерно, как бы сейчас, наверное, сказали. Так или иначе, прапрадеда произвели в Рубинского чуть ли не из Иванова. После революции храм заколотили. Мужики пришли к о. Александру и попросили провести службу. Он согласился, с дверей храма отбили доски, служба прошла, но дело было зимой, храм не отапливался, прапрадед заболел воспалением лёгких и вскоре умер.

В семье его было четырнадцать детей, все они разъехались по разным весям. Дочь Валентина, моя прабабушка, перебралась сначала в Златоуст, где вышла замуж за Константина Васильевича Князева, инженера-керамика, основавшего в Зла-

Прапрадед, протоиерей Александр Рубинский

Прабабушка, Валентина Александровна

тоусте фабрику каменных точил, а потом – вместе с мужем, в 1929 году – в Челябинск. Туда его пригласили проектировать абразивный завод. Им выделили квартиру на углу нынешних Свободы и Ленина. Из Златоуста привезли свою корову – время было далеко не сытным; во дворе дома выстроили для скотины маленький хлев. Вскоре многие соседи последовали их примеру – прикупили бурёнок, понастроили сараек. Из молока сбивали масло, вкус которого моя бабушка, Мира Константиновна Князева, родившаяся в 1924 году, помнит до сих пор.

Константин Васильевич был большим спорщиком, любил погорячиться на политические темы – и догорячился до того, что однажды, в середине тридцатых, его попросили в двадцать четыре часа покинуть Челябинск. Семья перебралась в Екатеринбург, лишившись всего – жилья, работы, профессионального статуса прадеда. В Екатеринбурге он поступил работать в институт абразивов и керамики, его приняли радушно, но вскоре в институте арестовали всю верхушку, и тогда прадед перешёл на «Уралмаш» обычным инженером. Через два года позволили вернуться в Челябинск, поселиться в бараке без электричества, водопровода, отопления, зато с плитой на торфе, где готовили еду; прадед к этому времени уже сильно болел и практически не вставал, прабабушка пошла работать на ЧТЗ секретарём-машинисткой. Печатала так быстро, что из цехов приходили посмотреть на мелькание её рук. После смерти прадеда в 38-м они перебрались на ЧТЗ в район улицы Ловина, в десятый инорс. Когда началась

война, моей бабушке было шестнадцать. Окончившие школу парни вскоре ушли на фронт; девочек мобилизовали на ЧТЗ. Проработав там почти всю войну и крепко запомнив вкус мороженой картошки, Мира Константиновна поступила в механико-машиностроительный институт.

Прабабушку Валентину (она умерла на 102-м году жизни, последней из четырнадцати детей прапрадеда) я запомнил прекрасно строгой, маленькой, но величавой, «нежным генералом» семьи. В молодости она поступала в Петроградскую консерваторию, успешно держала экзамен перед ректором А. Глазуновым, учеником Римского-Корсакова. Дочь же её, моя бабушка, работая сначала инженером-конструктором в СКБ ЧТЗ, потом руководя Союзом научно-технического общества машиностроителей, всю жизнь, как и её мать, оставалась «тайным гуманитарием». Обе тонко знали литературу, музицировали, Мира Константиновна ещё и сочиняла музыку, которая исполнялась по радио, на концертах, на региональных конкурсах композиторов (и получала лауреатства), не раз была командирована в Москву, в Союз композиторов СССР (у нас тогда отделение этого Союза не было). Интеллигентная, мягкая, ласковая, всегда радостная, равнодушная, всем помогающая (позже я узнал простую формулу, что интеллигент – это не тот, кто слишком «мудёр», а тот, кто просто максимально облегчает жизнь окружающим). В 48-м родилась моя мать, Наталья Борисовна Рубинская. Музыкальная атмосфера в доме не прошла для неё даром: сначала она поступила в музыкальное училище, затем – в Уральскую государственную консерваторию. Получить первое высшее музыкальное образование рекомендовала Анастасия Цветаева, с которой мама общалась с молодых лет. После окончания консерватории Анастасия Ивановна «благословила» её и на литературу. Мама поступила в Литературный институт им. А.М. Горького на семинар Е. Винокурова. Гуманитарно-творческая сфера, проявляемая в нескольких поколениях нашей семьи подспудно, наконец, обнаружила себя в полной мере.

Я с удовольствием бы посвятил всю эту автобиографию своей матери, поскольку всерьёз полагаю, что её литературный и музыкальный таланты куда сильнее и подлиннее; не меньше и книг, публикаций, музыковедческих работ, поэтических спектаклей, вот, наверное, только куда больше скромности, нежелания любой ценой «выказать себя».

Я родился в 76-м году. Мой отец – Сергей Александрович Гржебинский (линия со стороны отца – поляки, но мне дали фамилию предка с материнской стороны), журналист по профессии, расстался с мамой, как раз когда я сидел у неё в животе, и уехал на Север – там, по его словам, «было больше неба». С рождения росший без отца, я не чувствовал себя обделённым этим хе-

мингуэвским жестом, во дворе говорил: «Мой папа на Севере» и представлял его кем-то вроде челюскинца. Отца я ни в детстве, ни в юности ни разу не видел, он был фигурой мифической и потому не обязательно должен был присутствовать в реале. Со временем многое поменялось, но об этом – позже.

Поэзия и музыка были рядом с пелёнок. Меня не обучали с аристократическим тщанием при помощи спецнянь, не готовили к великому будущему, вбивая «культурный код». Просто в семье всегда, еще до моего рождения, проигрыватель крутил Рахманинова и Листа, Бетховена и Шопена, мамыны друзья приходили и музицировали на старинном чёрном пианино, мой дядя Сергей знал наизусть Пушкина... В четыре года я бормотал за матушкой «Бузину» Цветаевой, ни черта не понимая смыслов, но причмокивая вкусными аллитерациями. Когда в четыре-пять лет начал рифмовать, мне и в голову не приходило, будто я творю что-то особенное. Что я мог объяснить пацанам в начальной школе, которые искренне допытывались: «Как ты это делаешь? Что нужно, чтобы вышли стихи?». Это было, как объяснять механизм дыхания. Как заметил кто-то из литераторов, – усилия нам нужны, наоборот, для того, чтобы дыхание задерживать.

Не мог я ничего ответить и нянечке больницы, где лежал с гастритом. Мне было лет девять. Помню, по обыкновению что-то кропал, а нянечка заглядывала в мой блокнот, читала и доверительно объясняла моим соседям по комнате: «Ну, он же это списывает, не могу понять, откуда». Говорила она с такой ласковой убежденностью, с таким непоправимым пониманием, что я сам ей почти поверил. Позже еще пару раз сталкивался с похожей реакцией. «Да с кем ты, сопляк, делился хлебом?» – вопрошала одна возмущенная старушка, когда я прочёл ей свой стишок, где были строчки «и хлеб последний разделил/с голодным нищим оборванцем». Случались и положительные курьёзы: после публикации в «Пионере» в 88-м мне начали на адрес школы пачками приходить письма от советских пионеров – от Калининграда до Таджикистана. Тираж журнала был около двух миллионов. «Зырь, сколько баб Рубику пишет», – удивлялись друзья-пионеры. Кто-то даже стал пробовать сочинять стишки.

Когда пошли публикации в центральной периодике, с чьей-то руки вынырнул пафосный термин «вундеркинд» (туманный для восприятия на русском и фонетически, и по смыслу), а затем, когда я подрос, – еще более удивительный мутант под названием «бывший вундеркинд». Калька осталась до сих пор – не отскрестись, хотя «бывший вундеркинд» – звучит примерно как «уже помер». Я понял, что ни Лоретти, ни Парамонову не простили, что они выросли; лучше уж, прости Господи, навсегда оставаться в нежном возрасте, как это сделали Ружева и Турбина. Иначе на тебя

С мамой, 1985 г.

всегда будут примерять по первой сигнальной бархатную бабочку, которая давно не по горлу; умиленно вспоминать, как ты на каком-то фестивале клопом читал стихи с табуретки – с этого будет начинаться две трети упоминаний о тебе, и иронических, и вполне доброжелательных. Половина твоей энергии, наряду со стыдом за шутя накропанное в детстве, поневоле сведётся к бесполезным доказательствам – мол, ты как раз без табуретки чего-то и стоишь. Впрочем, это хороший стимул.

Отучившись на флейте в музыкальном колледже у прекрасного музыканта, а ныне дирижёра, Адика Абдурахманова, я не пошёл в консерваторию по родительским стопам, а поступил сразу в Литературный институт, в семинар Олеси Николаевой. Это отличная школа – не столько, кстати, поэтическая, сколько критико-литературоведческая, до сих пор с нежностью вспоминая наши семинары, научившие некоторому здравомыслию. С восемнадцати лет (еще до Литинститута) начал вести литературную мастерскую для школьников, и не прекращаю по сей день. Когда начинал, пособий не было, кроме разве что «Грамматики фантазии» Родари. Пришлось измышлять самому – темы, игры, задания. Дети неплохо чувствуют истинность и фальшь, говорить с ними про поэзию куда легче, чем со взрослыми. Мастер-классы вёл в разных городах и всяех, Москва, Нефтеюганск, Крым; в Суздале преподая уже двенадцатое лето, приезжают замечательные, поэтически-сумасшедшие дети со всей страны. Многие, кто

Четыре поколения семьи

учился у меня, стали ныне «маститыми молодыми»: В. Тарковский, Д. Курская, Л. Оборин, А. Кашеев, Г. Сальников, С. Галкина. Но у каждого, подчёркиваю, у каждого, кто задерживался в мастерской хотя бы на год, даже самого случайного, самого «непоэтического» человека, непременно случалось хоть одно спонтанное озарение, хоть половина меткой строчки. Это не моя заслуга, дети – все поэты, хоть недолго.

Из «сфер деятельности» самые важные для меня – поэзия и педагогика, а самые яркие, что на лету воспринимаются «достопочтенной публикой», – публицистика и театр. С театром работаю десять лет. На этом перекрестке важного и яркого живу. Список публикаций и награждений, книг и постановок по стране всегда казался мне излишне бряцающим, а в родном городе у коллег и вовсе вызывал недоумение. Для консерваторов-«почвенников» местного писательского Союза я тип странный, много-где-снующий, непредсказуемо-ускользающий («Да и фамилия у тебя подозрительно заканчивается», – говаривал мне один. Вот как отозвались прапрадедушкины драгоценные камни). Для литераторов «андеграундно-маргинальной» ветки – напротив, чересчур культурный, заданно-аккуратненький, «официал». Пить, кстати, не пил ни с теми, ни с другими – это ведь единственное, что роднит многих антагонистов.

...С отцом познакомился по своей инициативе, когда мне было около двадцати пяти. Повзрослев, всё-таки ощутил потребность пообщаться с ним (детский миф о челюскинце должен был подтвердиться либо развеяться). После знакомства и общения, довольно длительного и несколько формального, жестоко понял, что папу всё же пока

не нашёл. Но в моей жизни было три человека, о которых хочу сказать в завершение, – так или иначе в них я прозревал отцовское начало, хотя по возрасту они скорее годились в дедушки. Этих людей уже нет, но в городе их хорошо помнят и ценят.

Первый – Ефим Григорьевич Ховив, руководитель литературного объединения ЧТЗ, относивший ко мне с отеческой добротой и искренним – именно человеческим, а не литературным! – вниманием. Подрастая, я несколько отдалился от него, о чём сейчас очень жалею. Второй – Василий Васильевич Павлов, замечательный тележурналист ЧГТРК, умевший, по точному определению Айвара Валеева, «мыслить вслух», в своё время сделавший цикл передач со многими моими любимыми людьми – от Миллер до Кушнера, от Седаковой до Аверинцева. Его внимание к нашей семье никогда не исчерпывалось телекамерой, и слава Богу. Уже незадолго до его смерти мы беседовали с ним и его женой, Инной Фёдоровной о том, что ничего в жизни, видимо, всё-таки не стоит возделывания трёх соток собственного садика, и в итоге всё к этому сведётся. Третий – детский поэт Николай Петрович Шилов. Рад, что составил и выпустил полное собрание его произведений для детей, впрочем, его он уже не увидел... Общались мы с ним не так много, но когда он просто появлялся в комнате, мне (и думаю, не только мне) становилось как-то и празднично, и умиротворённо одновременно. Уже после его ухода я поймал себя, что таким и представлял подлинного – не скажу отца, но просто – человека. Носителем трёх необходимых качеств: невероятно доброго, внутренне печального и пишущего стихи. Скорее, детские.